

В статье предпринята попытка взглянуть на историю историко-экономической науки в фокусе конкретного примера – проекта изучения «локальной аграрной истории», являющегося неотъемлемой частью целостной картины развития этой отрасли знания в середине минувшего столетия.

Экономист в тоге историка

В. Н. Шерстобоев и его «Илимская пашня»

Д. Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ,
кандидат экономических наук,
Байкальский государственный университет
экономики и права,
Иркутск

**«Я не историк, не имею даже
исторического образования»**

Вадим Николаевич Шерстобоев родился 21 апреля 1900 г. в г. Барнауле. Революция и гражданская война помешали выпускнику Барнаульского реального училища 1918 г. продолжить образование. Только в 1927 г. он стал студентом факультета права и местного хозяйства Иркутского государственного университета, который успешно закончил в 1930 г.

После окончания университета Шерстобоев работал в Сельхозтресте при Иркутском потребсоюзе, а затем в облплане. С 1934–35 учебного года читал по совместительству курс экономики сельского хозяйства в Сибирском финансово-экономическом институте. В 1935 г. поступил на заочное отделение Московской сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, которую окончил в 1940 г. В том же году ему без защиты диссертации было присвоено ученое звание доцента.

В 1943 г. В. Н. Шерстобоев перешел на постоянную работу в Иркутский финансово-экономический институт, где возглавил кафедру конкретных экономик (впоследствии – экономики сельского хозяйства), которой руководил до 1962 г. Читал курсы общего земледелия и растениеводства,

© ЭКО 2007 г.



а также экономики и организации сельскохозяйственных предприятий. В 1943 г. защитил в Омском сельскохозяйственном институте диссертацию на степень кандидата сельскохозяйственных наук.

Диссертация «Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области» продемонстрировала интерес ученого к аграрному прошлому региона. Хотя непосредственным предметом исследования стало «приложение травопольной системы земледелия к условиям Иркутской области», диссертант предпослал основному тексту работы внушительное по объему вступление, названное «краткой характеристикой климата, почв и растительности» и сопровождавшееся «необходимыми историческими справками по развитию местного земледелия»¹.

Можно предположить, что именно благожелательное отношение к «исторической» части работы со стороны авторитетных специалистов и побудило впоследствии Шерстобоева избрать историю развития земледелия в регионе в качестве самостоятельной темы научных занятий. Сама диссертация получила негативную оценку экспертной комиссии по растениеводству, хотя Высшая аттестационная комиссия и не отменила решения Ученого совета, а лишь довела мнение комиссии до сведения его членов.

«Работа не является исторической в подлинном смысле этого слова»

Не завершилась еще растянувшаяся на пять лет процедура утверждения диссертации, а ученый уже приступил к новой работе. В августе 1944 г. он испросил разрешения пользоваться материалами иркутского областного архива для написания работы, озаглавленной «Сельскохозяйственное освоение Предбайкалья»².

Он охарактеризует предпринятое исследование как посвященное «изучению экономики сельского хозяйства се-

¹ Шерстобоев В. Н. Обоснование севооборотов в колхозах Иркутской области: дис. канд. с.-х. наук. Иркутск, 1943. С. 29.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО), ф. р-2683, оп. 1, д. 68, л. 120.

верных районов Предбайкалья» и начнет первый вариант с отрицания исторического его характера: «Предлагаемая работа не является исторической в подлинном смысле этого слова и оставляет вне внимания все внешние события, складывающие историю Сибири и в частности историю Илимского воеводства. Она посвящена более узкому и специальному вопросу о земледельческом освоении в XVII и начале XVIII века северных частей Ангара-Ленского края»³.

Отказаться от первоначального замысла вынести на передний план экономику сельскохозяйственного производства и предварить экономический анализ общей характеристикой изучаемой территории, ее географии, административной истории и действовавшей в прошлом системы управления заставила логика уже исторического исследования, характер используемых источников и избранный способ их разработки.

В окончательном тексте работы Шерстобоев объяснит это так: «Изложению основной темы — пашенного дела — предпосланы разделы, вводящие читателя в круг других вопросов организации Илимского воеводства. Это оказалось совершенно неизбежным, так как невозможно вырвать одну сельскохозяйственную сторону тогдашнего общества, не исказив общей картины экономики и всего строя Илимского воеводства... Поэтому в работе освещены вопросы, имеющие на первый взгляд мало связи с земледелием»⁴.

Заслуживает внимания сам факт обращения к сохранившемуся в Государственном архиве Иркутской области фонду илимской воеводской приказной избы, содержавшему документальные материалы конца XVII—XVIII веков, не профессионального историка, а экономиста. Это связано с особенностями архивного материала, преобладанием среди документов «...тех первичных бумаг, которые в сильной степени отобразили преимущественно мелкие стороны хозяйственного быта российской окраины. В этих старинных делах нет свидетельств о крупных исторических событиях, напротив, они касаются лишь незначительных, повседневных

³ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 2, л. 2.

⁴ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 6.

вопросов и рассказывают о рядовых, обыденных лицах. Илимский архив позволяет восстановить с большой подробностью картину развития экономики северного Предбайкалья»⁵.

Работа не стала простым архивным изучением определенной группы документов по территориальному принципу. Исследователь соединил архивные разыскания с обследованием местности изучаемых им исторических событий. Более того, в своих работах с источниками движется к ним от географии, рельефных, природных условий местности, а не в противоположном направлении.

Работа Шерстобоева во многом положила начало профессиональным историко-географическим и историко-демографическим исследованиям региона, изучению его политико-административной и социальной истории и даже, в известной мере, будущим генеалогическим исследованиям. Однако географические, демографические и прочие сюжеты исследователь выстраивает вокруг «ядра» — изучения экономики, техники и организации крестьянского хозяйства, в силу чего ее можно с полным на то основанием отнести к жанру «локальной аграрной истории». Именно изучение экономики крестьянских хозяйств он сделает ареной использования аналитических методов — главным образом количественных (статистических), «внесения в обработку документов расчетного метода»⁶.

«Вы сумели внести в разработку темы свежую струю»

В одном из писем к Шерстобоеву историк В. К. Яцунский подчеркнет: «Вы, по Вашей службе и первоначальной научной подготовке человек далекий от истории, сумели так войти в далекую от нас жизнь прошлого, как это далеко не всегда удается профессиональному историку. Благодаря именно Вашей неисторической первоначальной подготовке Вы сумели внести в разработку темы свежую струю»⁷.

⁵ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. Иркутск, 1949. С. 3.

⁶ Там же. С. 7.

⁷ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 79 (россыпь).

В. Н. Шерстобоев демонстрирует не только интерес, но и профессиональные навыки в использовании количественных методов анализа. Наиболее широкое применение они нашли в разделах, посвященных хозяйственной деятельности пашенного крестьянина.

Хозяйства были сгруппированы им по величине посева, а также по признакам применения наемной рабочей силы и размера семьи. Не ограничившись определением удельного веса выделенных на этом основании групп хозяйств, ученый исчисляет средние показатели на одно хозяйство по каждой из них, поскольку этот прием анализа помогает легче составить представление о среднем размере исследуемого хозяйства.

Существенная разница в размерах семьи мелких и крупных хозяйств заставит Шерстобоева прибегнуть к использованию еще одного аналитического приема – сопоставлению различных категорий хозяйств по объему производства и обеспеченности орудиями труда на одну душу. Что, сглаживая различия по ряду показателей, делает их более отчетливыми по размерам производства, объемам валовой и товарной продукции. Благодаря используемому подходу «...закономерное повышение мощности хозяйства при переходе от мелкого производства к крупному проявляется достаточно рельефно»⁸.

Произведенная им группировка по размеру посева позволит также вычислить среднюю урожайность зерновых, степень товарности хозяйств различного типа, размер посева на одну лошадь, количество крупного рогатого скота на десятину посева, заготовку сена на голову скота – показателей, представляющих исключительную ценность для исследователей крестьянских экономик.

Для анализа группировки по признаку применения наемной рабочей силы исследователь счел необходимым использовать более наглядную статистическую процедуру – установление коэффициента отклонения удельного веса. Разделив все хозяйства на три группы, вычислив удельные

⁸ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 284–285, 289.

веса каждой из них по различным показателям (размеру семьи, числу работников, посеву, скоту и т. д.) и взяв за основу удельный вес хозяйств по числу членов семьи, Шерстобоев исчислил отклонения удельных весов всех прочих показателей. «Таким образом, для всех показателей был установлен коэффициент отклонения их удельных весов от удельного веса членов семьи и выражен в процентах. Разумеется, в зависимости от целей анализа за основу можно брать любой другой показатель...»⁹.

Статистические методы исследователь активно использует и в ходе решения вопроса о распространении различных зерновых культур по изучаемой территории. Архивные материалы позволили вычислить удельные веса культур в посевах отдельных волостей воеводства, что дало достаточно полное представление о характере земледелия. Ученый формирует выборку, свидетельствующую о частоте встречаемости возделываемых растений, осуществляет расчеты средних посевов на двор (по числу дворов, сеявших соответствующую культуру, и по всем дворам), а также «показателя встречаемости» той или иной культуры как их соотношения.

Еще один раздел работы посвящен построению «согласованного, внутренне связанного прихода и расхода хлеба у крестьян». Цифры баланса, представлявшие собой итоги обработки показателей функционирования крестьянских хозяйств, в данном случае рисовали излишне усредненную картину, позволяли судить о самых общих закономерностях. В силу чего возникла прямо противоположная задача – раскрыть средние величины и показать в особой группировке, с какими результатами выходили различные по мощности хозяйства пашенных крестьян.

Будучи представлены в виде относительных величин, показатели прихода и расхода свидетельствовали теперь о тенденции к снижению по мере увеличения размера хозяйств доли расходов на продовольствие с одновременным повышением производственных затрат и рыночных продаж

⁹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 293.

хлеба. Выраженные же в процентах к количеству произведенного хлеба показатели излишка и дефицита недвусмысленно говорили о более тяжелом бремени, что несли перед государством мелкие и средние хозяйства¹⁰.

Исследователь не случайно называет используемый метод «расчетным». Немалая часть количественных показателей не просто собраны по крупицам из сохранившихся документов воеводской канцелярии, а получены им самостоятельно на основе статистико-экономических расчетов, благодаря профессиональным познаниям в области экономики и организации сельского хозяйства, агротехники и агрономии. Ученый уделяет пристальное внимание также вопросам надежности и сравнимости цифровых данных, особенно при попытке установить определенные тенденции в развитии крестьянской экономики.

В предисловии ко второму тому работы исследователь заявил о приверженности тем же приемам разработки архивного материала. Но все же на первый план вышла простая систематизация цифровых данных в форме таблиц, принципы которой обусловлены в большей мере вопросами исторического анализа, нежели статистическими методами. Причина крылась в изменившемся характере разрабатывавшихся материалов: «Если в XVII веке главная часть дел относилась к земледелию, к заготовке и сплаву хлеба, то в XVIII веке в связи с введением подушных сборов первое место стали занимать денежные дела. Чем дальше шло время, тем больше уменьшалась доля дел, связанных с земледелием. К концу XVIII века основными вопросами, занимавшими внимание и время уездных канцелярий, являлись полицейские дела»¹¹.

Сужение области, где количественные методы особенно необходимы и дают наибольшую отдачу, как и использование иного вида источников исторической информации, не могло не отразиться на широте и эффективности применения исследователем столь хорошо себя зарекомендовавшие

¹⁰ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. С. 330, 354–355.

¹¹ Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 2. Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Иркутск, 1957. С. 76.

го ранее аналитического инструментария. Смещение акцента в сторону давно и активно используемой историками «описательной статистики» не означало, однако, отступления с завоеванных позиций, снижения высоко поднятой планки локальных историко-экономических изучений, что наглядно подтвердило следовавшее более чем десятилетнее противостояние Шерстобоева сообществу местных историков.

«Старинной болячкой» местной исторической науки называл он, прежде всего, полную ее несостоятельность в работе с цифровым материалом, «неумение владеть исторической статистикой хотя бы в элементарной форме»¹². Но продолжавшаяся на протяжении 1950-х годов его борьба с дилетантизмом и описательностью местной исторической науки напоминала сражения с ветряными мельницами. На все аргументированные замечания Шерстобоева оппоненты отвечали «напоминанием» об отсутствии у него исторического образования, его принадлежности к иной профессиональной группе.

И словно ответ на эти «непробиваемые» аргументы – слова из письма еще одного иркутского «неисторика», доктора биологических наук, профессора сельскохозяйственного института В. Н. Скалона: «Хотя Вы себя историком не считаете, я Вас полагаю единственным у нас в Иркутске историком...»¹³.

«Уход отдельных научных работников от современности в историзм»

Работа над рукописью шла параллельно с работой в архиве, поскольку еще в январе 1946 г. Шерстобоев заключил договор с Иркутским областным издательством на издание брошюры «Илимская пашня XVII и начала XVIII вв.»¹⁴.

¹² ГАИО, ф. р-2683, оп.1, д. 27, л. 116.

¹³ См.: Скалон В. Н. Первые исследователи Сибири. Иркутск, 1949; *Он же*. Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII века. М., 1951; *Он же*. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005; ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 87, л. 13 (об).

¹⁴ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 69, л. 2.

Факт включения работы в издательский план вызвал реакцию, на которую вряд ли рассчитывал автор. В октябре областная газета опубликовала статью Е. Алакшина «О местной сельскохозяйственной литературе», в которой автор, негодуя по поводу отрыва части научных работников от колхозной и совхозной практики, в качестве «характерного примера» сослался на подготавливаемую к печати работу Шерстобоева и задался вопросом: «Почему автор – единственный в области специалист по вопросам организации колхозного хозяйства – ничего не пишет по насущным вопросам современности?».

Ответ прозвучал со страниц той же газеты, около месяца спустя посвятившей «разбору» творчества ученого передовую (!) статью. «Уход отдельных научных работников от современности в историзм» стал, по мнению газеты, результатом попустительства со стороны руководства вузов, где работал исследователь, которое «...не находит научных сил для разработки более неотложных тем... не поручает тов. Шерстобоеву такие темы, как организация и планирование колхозного производства, специалистом которых он является».

Попытка Шерстобоева в своем письме в редакцию отстоять право на свободу творчества: «Вообще говоря, у человека нет обязанности писать что-либо, если это не вытекает из его служебного положения», была встречена редактором ссылкой на «свежий» доклад А. А. Жданова «О журналах “Ленинград” и “Звезда”», «...где особые требования отражать современность предъявлены писателям, которые... не занимают никакого служебного положения. Тем более такие требования должны быть предъявлены к людям науки». Ученому предлагалось «...делом ответить на требование партии – помочь колхозам в укреплении артельного хозяйства»¹⁵.

После выхода книги в свет В. Н. Шерстобоев так опишет события тех лет: «Здесь, в Иркутске, мои историко-экономические занятия были встречены крайне недоброжелательно. Лишь поездка в Москву положила крест на обвинениях

¹⁵ Восточно-Сибирская правда. 1946. 26 октября; Там же. 20 ноября; ГАИО, ф. р-2683, оп.1, д. 84, л. 19; Там же. л. 14 и 14(об).

меня в техницизме, в историзме, в отходе от актуальных тем современности, в моем якобы стремлении ускользнуть от контроля»¹⁶.

Действительно, летом 1947 г. В. Н. Шерстобоев принял поездку в Москву для работы в Центральном государственном архиве древних актов. Поездка преследовала еще одну цель – заручиться поддержкой в масштабном исследовательском и издательском проекте, который давно вышел за рамки первоначально задуманной небольшой брошюры, отвести угрозу, реально нависшую над будущей книгой.

Первым столичным читателем и рецензентом работы выступил экономист академик С. Г. Струмилин. Несколько строк, начертанных им на титульном листе машинописного экземпляра «Илимской пашни»: «Очень серьезная и ценная исследовательская работа. Могу поздравить автора с большой творческой удачей. Акад. С. Струмилин. 11 / VI. 1947 г.», не только вселили в душу ученого уверенность в собственных силах, но и послужили «охранной грамотой», охладившей пыл местных чиновников от науки.

Короткое резюме С. Г. Струмилина, как и полученное месяц спустя заключение еще одного академика-экономиста В. С. Немчинова: «Даже очень беглый просмотр рукописи “Илимской пашни” показал, что налицо интересная и весьма необходимая работа. Могу только пожелать автору творческого успеха в ее завершении и опубликовании»¹⁷, могли рассматриваться Шерстобоевым в качестве подтверждения целесообразности и актуальности предпринятого им исследовательского проекта.

Первый том «Илимской пашни» вышел из печати в 1949 г., но еще практически год не продавался в книжных магазинах Иркутска. Не помогла и положительная рецензия в областной газете, которая, по мнению Шерстобоева, лишь насторожила партийных функционеров выводом о том, что «работу следует читать критически»¹⁸.

¹⁶ Архив РАН (АРАН), ф. 1555, оп. 1, д. 390, л. 1.

¹⁷ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 89, л. 63; Там же, л. 66.

¹⁸ См.: Покишишевский В. «Илимская пашня» // Восточно-Сибирская правда. 1949. 11 окт. С. 3; ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 99.

Только авторитетное мнение академика С. Г. Струмилина вновь переломило ситуацию. Сначала в личном письме, а затем в «отзыве о докторской диссертации В. Н. Шерстобоева» он выразил безоговорочную поддержку работе: «Обстоятельная монография В. Н. Шерстобоева, построенная целиком на архивном материале... представляет собою на редкость содержательный и ценный вклад в нашу литературу по экономической истории нашего народного хозяйства». Точку зрения своего коллеги разделил академик В. С. Немчинов, также посчитавший, что изданная книга «...могла бы быть предметом докторской диссертации, с защитой такой в Институте экономики Академии Наук СССР».

На высланную ему книгу откликнулся академик АН УССР П. И. Лященко: «По постановке вопроса, методу исследования, собранным материалам ... работа заслуживает самой высокой оценки». Высказали свою поддержку С. В. Бахрушин, В. К. Яцунский, В. И. Шунков. Общее мнение историков выразил в своем письме А. И. Андреев: «У меня имеются, конечно, замечания на отдельные части Вашего труда, но, несмотря на них, я все же рекомендовал бы его, как труд, вполне достойный внимания историков, а со своей стороны признал бы его в целом удовлетворяющим требованиям для докторской диссертации»¹⁹.

«Содержательный и ценный вклад в нашу литературу по экономической истории»

Ученый долго колебался в выборе научной специальности, по которой он мог бы представить свою книгу на соискание ученой степени доктора наук. Расхождения в требованиях, предъявляемых профессиональными группами историков и экономистов к соискателям, склонили чашу весов в пользу экономики.

Выбору в немалой степени способствовала произошедшая незадолго до этого реорганизация Института экономики АН СССР, сопровождавшаяся выделением в его структуре сектора истории народного хозяйства, который с 1948 г.

¹⁹ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 148, 158, 159 (об.); Там же. Д. 78 (россыпь).

возглавил С. Г. Струмилин. Директор института К. В. Островитянов в своем докладе на расширенной сессии Ученого совета отметил не только возросший интерес к проблемам истории народного хозяйства, но и «чрезвычайную бедность литературы по этим вопросам». Улучшение в этой сфере связывалось, прежде всего, с защитой в качестве диссертаций уже опубликованных или принятых к печати работ, а также с укреплением связей с провинциальными научными и учебными организациями.

На страницах издававшегося институтом журнала «Вопросы экономики» вскоре была опубликована примерная тематика диссертаций по экономическим наукам. «История народного хозяйства СССР» в качестве приоритетных рекомендовала темы «История развития сельского хозяйства в дореволюционной России» и «История крестьянства дореволюционной России», что было равносильно «зеленому свету» для исследователей, работавших в этих областях²⁰.

В апреле 1950 г. В. Н. Шерстобоев представил в Ученый совет Института экономики АН СССР книгу в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Однако защита состоялась только 14 ноября 1951 г., формально подтвердив высокое научное качество «Илимской пашни», признанное профессиональным сообществом на страницах научной периодики²¹.

С. Г. Струмилин и В. В. Покшишевский, выступившие на диспуте соответственно официальным и неофициальным оппонентами, фактически повторили данные ранее оценки работы.

Совершенно иными гранями «заиграла» она в отзыве второго официального оппонента – академика В. С. Немчинова. Крупнейший специалист в области сельскохозяйственной статистики основную научную ценность работы В. Н. Шерстобоева увидел не в систематизировании и описании архивных

²⁰ См.: Вопросы экономики. 1948. № 8. С. 73–75; № 9. С. 61; Там же. 1950. № 5. С. 107–111.

²¹ В течение двух лет, прошедших с момента выхода первого тома «Илимской пашни», увидели свет рецензии В. И. Шункова (Вопросы истории. 1950. № 3), В. В. Покшишевского (Вопросы географии. 1950. Сб. 20), Н. И. Павленко (Советская книга. 1951. № 4).

документов, а в умении глубоко экономически анализировать хозяйственную действительность прошлых времен.

Автор, на взгляд оппонента, «...не ограничился качественной характеристикой экономического строя, сложившегося в далекой Восточной Сибири во второй половине XVII и в первой четверти XVIII столетия, но дал количественную характеристику экономических отношений того периода... В. Н. Шерстобоев в своем исследовании все время оперирует многочисленными числовыми данными, самостоятельно им полученными, на основе соответствующих статистико-экономических расчетов»²².

Результатом дискуссии стало практически единогласное (при одном недействительном бюллетене) голосование «за» присуждение В. Н. Шерстобоеву степени доктора экономических наук²³.

Работе Шерстобоева невольно выпала сомнительная честь стать «символом» периферийности экономической истории в системе экономического знания. Как о «курье-зе», способном рассмешить корреспондента, написал ему о состоявшемся вскоре после защиты совещании в ЦК по поводу учебника по политэкономии В. В. Покшишевский. Диссертации Шерстобоева довелось предстать аргументом в выступлениях тех, кто жаловался на «всеобъемлющий характер экономической науки», необходимость тратить время, «слушая диссертацию о пашне Илимского воеводства XVII в.» и, наконец, показателем распыления сил Института экономики. «Курьезному» совещанию суждено было стать, однако, звеном в цепи событий, имевших пагубные последствия для историко-экономических изучений²⁴.

²² См.: АРАН, ф. 1877, оп. 1, д. 529, л. 30–55; ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 139–140.

²³ См.: АРАН, ф. 1877, оп. 1, д. 529, л. 2. Материалы защиты диссертации (краткое изложение содержания работы, выступлений оппонентов, хода обсуждения) были опубликованы: Известия АН СССР. Отд. экономики и права. 1952. № 1. С.43–50.

²⁴ См.: ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 79 (россыпь); Включение в 1952 г. ранее самостоятельного сектора истории народного хозяйства в состав отдела социалистической экономики, а затем и преобразование в сектор обобщения исторического опыта развития советской экономики и экономической политики, задали четкие хронологические рамки и направленность историко-экономических изучений Института экономики АН СССР.

«Мои научные интересы не вполне совпадают с моей научной работой в Иркутске»

Выход в свет первого тома «Илимской пашни» мало повлиял на ритм жизни В. Н. Шерстобоева. «Живу так же, как жил два года назад. Ежедневно сижу в архиве», — пишет он 10 ноября 1949 г. Струмилину, поскольку был уже заключен издательский договор на выпуск второго тома «Илимской пашни», рукопись которого надлежало сдать в редакцию к середине июля 1950 г.²⁵

Завершить работу и представить рукопись Шерстобоеву удалось лишь накануне отъезда в Москву для защиты диссертации, ибо объем второго тома более чем вдвое превысил обусловленный издательским договором. Работа увидела свет только через шесть лет, фактически на правах «заказного» издания — часть расходов взял на себя финансово-экономический институт, где работал автор. Автор вынужден был согласиться с уменьшением тиража издания до двух тысяч экземпляров (против пяти у первого тома). «Принужден» был он отказаться и от гонорара²⁶.

В год выхода в свет второго тома «Илимской пашни» партийно-хозяйственные функционеры вновь развернули борьбу «за тесную связь научных исследований с жизнью»²⁷. Руководство вуза, где работал ученый, вынуждено было «корректировать» научную деятельность кафедры экономики сельского хозяйства и ее заведующего, обязывая «развернуть работу по изучению колхозного производства», «укрепить связи с колхозами, совхозами и МТС Иркутской области».

«Мои научные интересы не вполне совпадают с моей научной работой в Иркутске», — сетует Шерстобоев. Успех его доклада «Об опыте исследования истории сибирского земледелия» на научной сессии Сибирского филиала Все-

²⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 219, оп. 1, д. 785, л. 5 (об.); ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 69, л. 4.

²⁶ ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 62, л. 98 (об).

²⁷ См.: *Силинский П.* За тесную связь научных исследований с жизнью // Восточно-Сибирская правда. 1957. 10 апр.

союзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства (Омск, 1954 г.) породит призрачную надежду продолжить свои занятия аграрной историей в этой ведомственной научной институции: «Я с удовольствием принял бы... приглашение работать в филиале института... Мне хотелось бы работать по истории сельского хозяйства Сибири. В 2–3 года я мог бы написать под визой филиала историю сельского хозяйства Сибири, объемом в 30–50 печ. листов. Для этого потребовалось бы поработать в архивах 5–7 сибирских центров и в Москве, 2–3 командировки и известная свобода научного творчества»²⁸.

Несомненно, именно поиск возможностей для продолжения занятий аграрной историей Сибири привел ученого к идее создания в Иркутске Сибирского института истории АН СССР. В статье 1958 г. он обосновывает необходимость существования такого учреждения в Сибири, перечисляет имеющиеся для этого интеллектуальные ресурсы и даже набрасывает примерную его структуру, конечно же, включающую «группу по исследованию истории экономики» региона. А спустя два года использует трибуну широкомасштабной научной конференции по истории Сибири и Дальнего Востока (Иркутск, 15–19 марта 1960 г.), чтобы донести до тех, от кого зависит принятие решений, свое видение проблем организации исторической науки в Сибири²⁹.

Надеждам ученого не суждено было сбыться. Через два года В. Н. Шерстобоев покинет Иркутск, чтобы навсегда прекратить свои занятия аграрной историей региона.

²⁸ ГАИО, ф. р-2683, оп.1, д.82, л. 26–27.

²⁹ Восточно-Сибирская правда. 1958. 4 февраля; ГАИО, ф. р-2683, оп. 1, д. 76, л. 7.